

ДЛЯ МАЛЮТКЪ

Е. В. ДЕНЬКОВЪ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“,
ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ
журнала «ИГРУШЕЧКА».

1892

АВГУСТЪ № 8.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Разговоръ. <i>Бумъ-бумъ</i> . Съ рисункомъ.	121
II. Ссора. <i>Киси</i> . Съ рисункомъ.	126
III. Ничего не продала... Картинка на отдѣльной страницѣ.	131
IV. Дождь. Эскизъ. <i>И. А. Блюсова</i>	132
V. Индѣйка. <i>А. К. Владиміровой</i>	135

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Сергіевская, д. № 26.

РАЗГОВОРЪ.

амымъ большимъ удовольствіемъ Саши, или какъ ее звали въ семьѣ, Зюкаши, было ходить послѣ занятій къ Полинкѣ въ «будку» и тамъ, на заваленкѣ, или въ огородѣ, на лавочкѣ, сидѣть по цѣлымъ часамъ. «Будкой» Зюкаша называла домикъ желѣзнодорожнаго сторожа Кузьмы.

Кузьма былъ вдовецъ и его одиннадцатилѣтняя дочурка была для него всѣмъ.

Она ходила въ лѣсъ за дровами, за грибами и ягодами; поливала въ огородѣ овощи, которые сажала вмѣстѣ съ отцомъ; готовила ему обѣдъ и, наконецъ, чинила его бѣлье и платье.

Лѣтомъ имъ жилось хорошо, а зимой холодный вѣтеръ со всѣхъ сторонъ обдувалъ ихъ, похожій на карточный, домикъ.

Зюкаша, которой шель десятый годъ,

была гораздо больше Полинки. Ея родители хотя и были люди не богатые, однако, не допускали Зюкашу ни до какихъ домашнихъ работъ, а посылали въ гимназію. Полинка не могла за недосугомъ ходить въ школу, и читать ее выучилъ отецъ. Читать она очень любила.

Часто, когда Зюкаша принесетъ ей бывало интересную книжку, она возьметъ ее и пойдетъ къ пруду, сядетъ на бережку и читаетъ.

А вокругъ ея плаваютъ гуси:

— Какъ мнѣ жаль,—часто говаривала ей Зюкаша,—что ты не можешь приходить ко мнѣ. Мы бы поиграли въ куклы, на качеляхъ покачались бы, а то, я думаю, тебѣ здѣсь бываетъ скучно.

— Не замѣчаю даже, какъ и день проходитъ,—говорила Полинка.—Не успѣваю сдѣлать всего, что надо.

— А вотъ я такъ и дѣлать ничего не умѣю. Я, кажется, съ голоду умерла бы, если бы у меня не было мамы да няни.

— Ты это потому такъ говоришь, что тебѣ не приходилось. Когда моя мама была жива, она также жалѣла меня. А я теперь жалѣю отца, онъ у меня больной, простуженый.

Онѣ вышли на лужокъ.

— Какъ чудно пахнетъ сѣномъ,—сказала Зюкаша.— У мамы моей есть такіе духи.

Вдали показался поѣздъ. Кузьма взялъ значекъ и сталъ у своей будки.

— Вотъ такъ дымъ, посмотри, Поля, онѣ

Полинка читаетъ...

точно бѣлой кисеей покрылъ елки... Какъ красиво.

— Я это вижу каждый день по нѣскольку разъ,—отвѣтила Полинка.

— Какъ здѣсь у васъ хорошо,—сказала

Зюкаша.—Я съ радостью прожила бы съ тобой цѣлое лѣто.

Подошла собака на трехъ ногахъ, отъ передней правой у нея остался одинъ только суставчикъ.

— Отчего у нея оборвана лапка?—спросила Зюкаша.

— Поѣздомъ оторвало. Это часто бываетъ. Одно время у насъ было три такихъ собаки. Двухъ, слава Богу, взяли. А то намъ было трудно ихъ кормить.

— А вы что ѣдите?—спросила Зюкаша.

— Щи. У насъ капуста своя. Картошку, свеклу. А по праздникамъ отецъ мяса приносить. Яйца. У насъ три курочки есть. Пѣтуха недавно поѣздъ раздавилъ.

— Знаешь, Поля. У насъ обѣдъ лучше, и я стану тебѣ приносить...

— Зачѣмъ, не надо. Мы съ отцомъ благодаримъ Бога, что у насъ и это есть... Ты развѣ не слышала, какой голодъ былъ! Намъ другой ѣды не надо. У насъ все есть.

— А я такъ ѣсть не могла бы. Мнѣ было бы голодно.

— Тебѣ это такъ кажется. Еслибъ у васъ не было другого обѣда, ты была бы довольна и тѣмъ, что мы ѣдимъ.

Зюкаша сдѣлала серьезное лицо.

— Я, можетъ быть, и не умерла бы,— сказала Зюкаша,—но мой братъ... О! онъ навѣрное умеръ бы...

— И онъ не умеръ бы. Отчего же мы, которые всегда такъ ѣдимъ, не умираемъ. Мы вѣдь такіе же люди, какъ и вы.

Солнце, какъ огненный шаръ, закатилось за гору и ярко, точно заревомъ пожара, освѣтило—лѣсъ, пашню, стога сѣна и маленькій прудокъ.

— Пора идти, Поля. Моя мама всегда боится, когда я у тебя... «Смотри, не попади подъ поѣздъ», говорить... Точно я маленькая! Приходи, Поля, ко мнѣ.

— Некогда. Надо работать. Лучше ты ко мнѣ приходи... Будемъ вмѣстѣ картошку рыть...

Зюкаша нѣжно ее поцѣловала и, уходя, положила ей въ руку три леденчика.

Дача, гдѣ жила Зюкаша, была совсѣмъ близко отъ Полинкиной «будки», ихъ раздѣляли рельсы да небольшой кустарникъ...

Буль-бумъ.

С С О Р А.

— Соня, пойдемъ играть въ куклы,—звала семилѣтняя Варя девятилѣтнюю сестру Соню.

— Не хочу.

— Пойдемъ, пожалуйста, милая!

— Вѣдь ты знаешь, что я не люблю играть въ куклы. Играй съ Лёлей.

— Лёля маленькая еще... она не умѣетъ играть въ куклы... разговаривать, какъ будто большая... а я хочу играть въ гости. Наши куклы будутъ приходиться другъ къ другу въ гости, разговаривать...

— Ну, такъ разговаривай одна за всѣхъ куколъ.

— Одной скучно, неинтересно. Пойдемъ, милая,—вѣдь все равно ты ничего не дѣлаешь?!

— А въ куклы играть еще скучнѣе, чѣмъ ничего не дѣлать.

— Ну, ты для насъ сдѣлай удовольствіе, пожалуйста.

— Пожалуйста, пойдѣмъ, — запищала также Лёля, усѣвшаяся уже на стулъ возлѣ стола и разставляющая на немъ у стѣны свои куклы и ихъ вещи.

Соня покосилась на нее и сказала:

— Хорошо, отстань.

И обѣ отправились въ дѣтскую за игрушками. Набравъ полныя руки куколъ, мебели, посуды и всякаго тряпья, онѣ вмѣстѣ вошли въ столовую и направились къ столу.

— Только, чуръ, я у стѣны! — заявила Соня.

— Нѣтъ, я у стѣны, — возразила Варя, — я тамъ не могу: у меня ни одна кукла не сидитъ и не стоитъ безъ стѣнки.

— Сдѣлай стѣнку изъ какого-нибудь ящика.

— Нѣтъ, это не хорошо, — я хочу у стѣны.

— А я тебя не пущу!

И Соня бросилась къ стулу, стоявшему возлѣ стола у стѣны. Варя за ней, но Соня поспѣла раньше, быстро сѣла на стулъ и положила игрушки на столъ къ стѣнкѣ. Варя сейчасъ же подско-

чила къ этому же стулу, сѣла на его пустой край и стала толкать локтемъ Соню съ мѣста. Руки ея были все еще заняты игрушками.

— Пусти, Соня, меня!

— Нѣтъ, я сказала—не пущу!

Соня уперлась руками въ столъ и въ свою очередь старалась спиной столкнуть сестру со стула.

— Пусти меня, Сонька!—кричала Варя, стараясь удержаться на стулѣ, — пусти, гадкая!

— Пошла вонъ!—я первая сказала и первая сѣла,—убирайся!

— Нѣтъ, ты убирайся... пусти меня!.. ай, не смѣй такъ толкаться: я упаду!..

— Ай, ай, ай, вотъ злюка! — вдругъ закричала Соня и схватилась за плечо: Варя укусила сестру, — ай, ай, ай, нехорошая!.. кусака!..—плакала и кричала Соня.

На этотъ крикъ и плачь вбѣжалъ испуганный отецъ, очень болѣзненный и вспыльчивый.

— Что тутъ такое?

— Варя меня... укусила...

Отецъ вдругъ вспылить и, ничего не разобравъ и не распросивъ, схватилъ Варю

Соня со своимъ щенкомъ Мунькой.

за руку и, толкнувъ въ уголь, ушелъ, захлопнувъ дверь.

Варя горько разрыдалась. Лёля, испуганная, давно ужъ бросивъ игрушки, совсѣмъ притихла, едва сдерживая слёзы; и какъ только ушелъ отецъ, на цыпочкахъ подошла къ Варѣ и, обвивъ ее ручонками, прижала къ ней личико и тихо заплакала.

Соня осталась одна у стола.

Стыдно и больно стало у нея на душѣ, такъ больно, что даже боль отъ укуса не чувствовалась. Весь день она не могла найти себѣ удобнаго мѣста и интереснаго занятія. На другой день Варя и Лёля совсѣмъ забыли о случившемся наканунѣ и весело опять играли и опять звали съ собой Соню. Она же долго помнила этотъ случай и всѣми силами старалась никогда болѣе не начинать ссоры.

Кися.

Ничего не продала... наголодалась, присѣла и задремала...

«Д О Ж Д Ъ».

(Эскизъ).

„Дождикъ, дождикъ, перестань,

„Я поѣду во Рязань

„Богу молиться,

„Христу поклониться!“..

Кричали дѣти, бѣгая по пыльному, застланному камнемъ, двору большого многоэтажнаго дома. Нѣкоторыя изъ нихъ поднимали къверху руки и ловили капли дождя... А дождь, послѣ долгой засухи, при тихой, безвѣтренной погодѣ шелъ крупными, рѣдкими каплями, которыя, упавая на раскаленную зноемъ землю, сейчасъ же впитывались въ нее и пропадали...

Но въ воздухѣ уже стало не то: теплая влага оживила сухой воздухъ; деревья вздохнули, ожили и ярко зазеленѣли омытыми дождемъ листьями...

Изъ двери, ведущей въ подвальный этажъ, показалась лохматая голова мальчика лѣтъ десяти. Вотъ блеснули надъ уровнемъ земли его свѣтлые, голубые глазенки, а черезъ секунду и вся его фигурка въ грязной рубашкѣ, подпоясанной такимъ же грязнымъ фартукомъ, показалась надъ поверхностью земли. Это былъ мальчикъ - сапожникъ,

Алешка Дудокъ; такъ звали его и въ мастерской, гдѣ онъ работалъ, и всѣ ребяташки, живущія въ домѣ. Прозвище это онъ получилъ за то, что былъ большой мастеръ играть на деревянной дудкѣ, купленной имъ у «тальянца», который часто заходилъ къ нимъ на дворъ, съ разными корзиночками, сплетенными изъ тонкихъ прутьевъ. Этотъ же «тальянецъ» и продавалъ дудки, часто самъ наигрывая на нихъ веселыя пѣсенки...

Выбравшись изъ подвала, Алешка увидѣлъ бѣгающихъ дѣтей и улыбнулся; дѣти скоро замѣтили его и побѣждали къ нему.

— «А, Дудокъ, Дудокъ!—Подуди!»—кричали онѣ.

— Нельзя; теперь хозяйнъ дома. Я только такъ, на минутку вышелъ. А вы не кричите, а то хозяйнъ услышитъ. Я вамъ уже сыграю!..—уговаривалъ Алешка.

Дѣти оставили его и опять побѣждали по двору, крича:

«Я у Бога сирота—

«Отпираю ворота!»..

Алешка прислонился къ стѣнѣ и задумался. Вспомнилась ему родная деревенька. «Поди, теперь спѣхъ какой идетъ у нашихъ,—сѣно убираютъ... Гринька счастли-

вещь, отпустилъ его хозяинъ-то! Теперь небось на возу сидить, лошадью править, а то въ лѣсъ пошелъ по-ягоды... А ужъ я бы указалъ ему, гдѣ земляники много:—около «Шмелева куста»,—страсть сколько!.. На будущій годъ хозяинъ-то обѣщалъ меня отпустить, а теперь, говоритъ, ты только еще приведенъ!»—вздохнулъ Алешка.

А дождь все также, не усиливаясь, не уменьшаясь, шелъ, безшумно падая на землю крупными каплями.

Алешка и не замѣчалъ, какъ дождь намочилъ ему голову, не слыжалъ, какъ по лицу его текли грязные потоки, собираясь на подбородкѣ, откуда падали на грязную грудь рубашонки.

«Однако, пора домой, достанется еще!» мелькнуло въ головѣ у Алешки, и онъ словно въ землю провалился, быстро спустившись по лѣстницѣ въ подвалъ...

На дворѣ все еще не переставали шумѣть дѣти, а Алешка, сидя уже на «липкѣ» около мастера, слышалъ какъ со двора доносилась пѣсенка:

«Дождикъ, дождикъ, перестань,

«Я поѣду во Рязань!»..

Иванъ Вѣлоусовъ.

ИНДѢЙКА.

Наши индѣйки красивыя, бѣлыя, довольно большія птицы, а птенцы ихъ, когда вылупятся изъ яйца — такіе же желтые, пухленькіе, какъ и цыплята курочки Пеструшки, но только повыше ихъ ростомъ. Лишь только индюшата выйдутъ изъ скорлупы, Дарья птичница открываетъ пальцами ихъ маленькій клювъ и даетъ каждому изъ нихъ проглотить по зернышку перца: по ея словамъ, это укрѣпляетъ индюшатъ; ихъ вѣдь очень трудно выростить — они боятся и холода, и сырости.

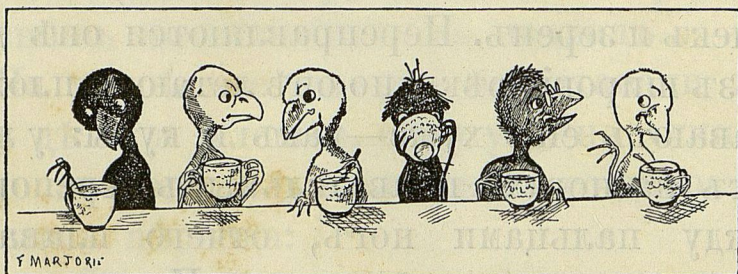
Индѣйки перевезены къ намъ изъ Америки. Онѣ тамъ большими стаями бродятъ по лѣсамъ, переходя въ тѣ мѣста, гдѣ могутъ найти побольше насѣкомыхъ, листьевъ, почекъ и зеренъ. Переправляются онѣ даже черезъ широкія рѣки; но онѣ летаютъ плохо, а плаваютъ еще хуже — какъ и куры: у нихъ нѣтъ на ногахъ плавательныхъ перепонокъ между пальцами ногъ, отчего плаваютъ такъ хорошо гуси и утки. При перелетѣ черезъ рѣки Америки, лѣсныя индѣйки падаютъ въ воду, стараются перебраться

вплавь; при этомъ онѣ перевертываются ногами вверхъ и распускаютъ крылья.

Когда наши индюшата подрастаютъ, Дарья ихъ кормитъ творогомъ съ кашей и выпускаетъ изъ птичника очень осторожно— только въ теплую, солнечную погоду.

Уморителенъ въ гнѣвѣ индѣйскій пѣтухъ: онъ сердится, когда на него махнутъ краснымъ платкомъ; тогда онъ раскрываетъ вѣеромъ хвостъ, крылья распускаетъ такъ, что они у него шуршатъ по землѣ, сережки, зобъ и головной его уборъ ярко краснѣютъ и онъ, кружась на мѣстѣ, громко кричитъ: Глу, глу, глу, глу!— А индѣйка, тѣмъ временемъ, задумчиво около него попискиваетъ.— Ни она, ни онъ особеннымъ умомъ не отличаются.

А. К. Владимірова.

Редакторъ-издательница А. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВЪРОВА.

Дозв. ценз. Слб. 4 Сентября 1892 г.

Типографія А. М. Вольфа, Фонтанка, 92.

